

В рубрике "Литературный прогноз" критик Ника Вертинская размышляет над тем, какие из конкурсных стихов могут войти в ТОП-32 и победить на конкурсе, а какие нет и почему...

Муки ВЫБОРА

или "Дай Бог тебе выбирать только между Серёгой и Васей"□

(с 1 по 10 конкурсные стихотворения)

Вместо предисловия

Граматику не правлю, препинаки не расставляю, наличие "плохой" рифмы в хорошем стихотворении принимаю, ибо «страшнее догмы зверя нет». "Можно писать плохие рифмы, но нельзя писать плохие стихи" (с). Главное для меня – хороший русский язык, поэтическое мастерство на уровне способности возведения обитаемого «терема» стихотворения, а не детского куличика в песочнице; наличие живого лирического чувства, «впрыснутого в жилы» читателю, и, конечно, "лица необщее выраженье".

++- 1. Сказка

Он жил на дальней горе – повелитель здешнего края,
старики утверждают, будто он жил там всегда.
Годам к тремстам все драконы стареют и умирают,
но над этим, вечно живым, были не властны года.

И не было в том краю ни армии, ни закона,
ни совета старейшин, ни даже дорожных знаков:
жили под властью Дракона, под защитой Дракона,
он один всем ведал: от посадки брюквы до уборки злаков.

Раз в полвека являлись безумцы, и даже чаще порою,
шли на бой, веря в правду и в свою удачу тоже,
и когда Дракон убивал очередного героя,
то становился сильнее, а главное – лет на сорок моложе.

Всех доблестно павших прекрасной песней оплачут –
их, погибших красиво, аршином общим не мерьте!
Хотя объективно, конечно, в случае неудачи
каждый герой способствует драконовскому бессмертию.

Но вот однажды – не чета прежним – явился витязь,
и пошел к той горе скорым шагом добывать победу,
мол, я – один за всех – одолею дракона, а вы здесь
обождите меня, я точно вернусь к обеду!

Нет, - ему отвечали, - ты не вернешься, воин.
Никто никогда не вернется: Дракон справится с пешим и с конным.
Но если ты все же убьешь его, и он станет травой –
то ты вместо него станешь драконом.

Все вы врете! – он отвечал. – Ни за что не стану!
Я вернусь победителем и принесу вам свободу!
Ждите меня и молитесь за меня неустанно!
– Ну-ну, - подумали жители и пошли поливать огороды.

И напал Герой на Дракона, и дерзнул он поспорить с роком!
Про смертельную эту схватку в прекрасных песнях поется!
Узнать бы еще, кто кого победил в том бою жестоком –
но нет... Лишь трава зеленеет да бессмертный дракон смеется.

Автор положил на стихи **притчу о бессмертном драконе**: дракон каждый раз
возрождался, после того, как очередной смельчак его убивал, сам становясь драконом.
Стихотворение добротное. Мастерство автора неоспоримо. Тут и составная рифма

«витязь-вы здесь», тут и хороший, богатый словарь, и непростая философско-психологическая тема: убить дракона на горе, ещё не значит убить его в себе самом. Мысль эта вооружена красивой, маАстерской рифмой и прочими приёмами грамотной версификации. Что смущает? «Невозможно эмоционально общаться с чем-то неодушевлённым»: у меня создалось впечатление, что автор - беспристрастный технический переводчик... Перерассказчик. В его прекрасно отточенном произведении не «дышит почва и судьба»: неинтересен вот такой Дракон-без роду племени. Мне не хватает автора, его чувства, его отношения к изложенному: условно говоря, либо «печаль моя светла» по Пушкину, либо «печаль моя жирна» по Осипу Эмильевичу. Конечно, отношение автора не должно быть выложено на стол, наподобие докладной записки, но, всё-таки, оно должно быть. Иначе, не по-русски. Гладкие куплеты, философский смысл, мастеровитость – это не мало. Но для русской поэзии - мало. Здесь есть великолепный переводчик. А хочется воскликнуть: «Попросим автора!» Однако, скорее всего, буду рекомендовать стихотворение – за богатый поэтический язык, раскрывающий благозвучность, красоту, мелодичность русской речи: все ударения и паузы на месте; ни единого искажения звучания слова в угоду размеру или рифме. Читаешь стихи и смакуешь: вот она, добротная поэтическая русская речь. Вот она – работа, а не халтура.

+++ 2. Выбор

Это не между романтиком-Васей с пятого этажа
И Серёгой – обладателем нового «мерса» чёрного...
Выбор – убить внутриутробно или рожать
Ребёнка с врождённым пороком (читай: почти обречённого).

Выбор – война, стена, пустые глаза
Мужа, матери и детей. Карканье фашистского ворона,
Который предлагает тебе указать,
Кому – единственному - из них отойти от свинца в сторону.

Выбор – изогнувшийся над пропастью «серпантин»,
Пешеход, застывший на тормозном пути без движения -
Когда остаться в живых может только один,
В зависимости от поворота руля и твоего решения.

Выбор – броситься ли безоружным на подлеца,
Спасая девчонку, что зря по городу ночью шастала.
Выбор – оперировать ли больного раком отца,
С высочайшими рисками и минимальными шансами.

Выбор – когда у входа в подвал души
Совесь включает навязчивый пожизненный зуммер -
Потому что, в чью бы пользу ты ни решил -
Ты всё равно вместе с кем-то из них уже умер.

Когда все твои «это пройдёт» и «никогда не сдавайся»
Одномоментно погребены под гранитной глыбой...

...Дай Бог тебе выбирать только между Серёгой и Васей –
И никогда не узнать, что такое Выбор.

Это обязательно «выберу» в свои избранные. Смелое, современное, откровенное стихотворение, оно пульсирует чувством, «впрыснутым читателю прямо в жилы». О технике даже не вспомнила, пока читала (хороший признак), но отмечу свежесть рифм, экспрессию, нерв, присущий русскому лиризму. Автор не прячет свою взволнованность и равнодушие, не бежит от вопросов совести: они часть его жизни. Марина Цветаева сказала когда-то, что нет множества поэтов, а есть один поэт, продолжающийся во времени. В этом стихотворении я увидела продолжение главной интонации и тематики классической русской поэзии – это сквозная гипертрофированная совестливость. Как же отличается подобная позиция автора «Выбора» от жизненного «выбора» другого конкурсанта, написавшего красивое стихотворение про уютное, особнячком стоящее на обочине мира счастье, в малиновом свете.

*«Где-то в воздух летят эшелоны,
мир стремительно сходит с ума...»*,

А обитатель малинового терема, словно явившийся из Чеховского «Крыжовника», создал свой «надёжный, незыблемый остров посреди круговерти земной» и вопросы «выбора» его не колышут. Ни стук чеховских молоточков, ни «навязчивый пожизненный зуммер» совести не проникают в плодово-ягодный рай. С приобретением русской поэзией всё более «импортного» выражения лица, «пожизненный зуммер совести» звучащий в «Выборе», возрождает давно забытый ориентир русской гражданской лирики, хотя, на первый взгляд, стихи на гражданственность вовсе не претендуют. Я была бы искренне рада, если б стихотворение вошло в золотую десятку. Это не пустышка. Это – настоящее. И это смело можно отнести к доброму образцу современной русской литературы

--- 3. Карусели

спишь и видишь карусели
на коняшках детвора
сели-встали-встали-сели
полетели три два раз

этого уносит время
в безызвестные края
этот силится за всеми
поспевать да в горле яд

эта девочка боится
что её сожрёт чума
страх смыкает ей ресницы
чахнет девочка сама

а вот этого мальчонку
манит в темень беднота
ручки худы ножки тонки
страшен черносердный тать

крутит крутит всё быстрее
чертовщина карусель
лица детские стареют
все ль ещё? уже не все?

и садятся по два по три
дети на аттракцион

спишь пока
а кто-то смотрит
про тебя такой же сон

Стихотворение с «бесовщинкой». Мне кажется, не случайно написано оно тем же метром, что и знаменитые «Бесы» Пушкина. Исполнение оставляет желать лучшего: техника стихосложения на уровне детской считалочки. Да и глубины замысла здесь нет: незатейливая страшилка. «Вытаскивает» стихотворение мистическая концовка. Однако, одной удачной концовки мало, чтобы стихотворение состоялось.

+-- 4. Про малину

Потирая уставшую спину,
я люблюсь на стриженный ряд
тонких прутьев, измазанных глиной.
Вот, в саду посадили малину.
Без малины – какой же он сад?

А денёк-то! Не день, а подарок!
На неяркой холстине небес -
рыжий профиль сосны сухопарой
да берёз облетающих пара -
это наш одомашненный лес.

Здесь, на узкой лоскутной полоске
не желающих сохнуть болот,

Автор: Литпрогноз
13.11.2012 08:48

всё, что вне, представляется плоским,
время капает с крыши на доски
и густеет, как липовый мёд.

Где-то в воздух летят эшелоны,
мир стремительно сходит с ума.
А у нас по-осеннему сонно;
дождь пророчит седая ворона,
и за осенью будет зима.

Ну, послушайте! Это же просто:
я вплетаюсь, вырастаю сосной
в эту почву и медленный воздух,
как в надёжный, незыблемый остров
посреди круговерти земной.

...А сегодня сажали малину -
будет радость для наших ребят.
Гуси тянутся правильным клином...
Жизнь становится длинной-предлинной,
если дети приходят в наш сад .

Автор уютно обустроил свой терем стихотворения: симпатичный ритмический рисунок, интересные выразительные средства. Чего стоят строки: «время капает с крыши на доски и густеет, как липовый мёд» (ах!) Или:

*«...я вплетаюсь, вырастаю сосной
в эту почву и медленный воздух,
как в надёжный, незыблемый остров
посреди круговерти земной» (а-ах!)*

Но, дойдя до последней строфы, я закручинилась. Подвёл автора поэтический слух: какое неблагозвучное фонетическое слово в конце последней строки: {нашсАт}; какая какафония в ненамеренной аллитерации заключительных слов: ТВНШСТ (приходяТ/В/НаШ/СаТ). А ведь от финала на 90 процентов зависит успех стихотворения. По законам восприятия речи из сказанного прочнее остаются в памяти последние фразы. Завершающая строфа интонационно «оглупляет» стихотворение. Инфантильная, пафосная и назидательная одновременно, она словно прозвучала из уст воспитательницы детского сада. «Радость для **наших** ребят»; «дети приходят в **наш сад**»... Остаётся непреодолимый привкус нравоучения читателю, «летающему под откос» и «сходящему с ума вместе с миром» («Ну, послушайте! Это же просто...»)... А это для кого как, уважаемый автор. Далеко не каждый может жизнь свою в малину превратить, «незыблемый остров» себе науструить «посреди круговерти земной». Об

интонации стихотворения в целом: считаю её провальной. И не только из-за последней строфы. А ещё из-за самодовольного пофигизма:

*Где-то в воздух летят эшелоны,
мир стремительно сходит с ума.
А у нас по-осеннему сонно;
дождь пророчит седая ворона,
и за осенью будет зима.*

...Все мы родом из русской литературы. Главной чертой её во все времена была духовность и совесть. Довольство обитателя «малинового» мирка на фоне картин рушащегося мира вызвало в памяти чеховский образ любителя крыжовника, и как-то по-чеховски неловко стало за автора, «не помнящего родства».

«...Счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно. Это общий гипноз. Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные ...». «Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность, развивают в русском человеке самомнение, самое наглое» ("Крыжовник", Антон Павлович Чехов). Эгоистическое самодовольство обитателей плодово-ягодного рая выглядело бы мило, не дай автор параллельную картину летящего под откос мира и не вырази своего равнодушия к нему.

+++ 5. "Он рассказывал сказки морю..."

Он рассказывал сказки морю и берегам.
Про него говорили: "Старец сошел с ума".
Острокрылые чайки ткали над морем гам,
Угрожающе выли взмыленные шторма,

Но старик приходил, касался воды рукой,
Обращался к ветрам, ступал на гнилой причал –
Океан становился сразу совсем другой,
Он ложился у ног и сытым котом урчал.

А истерзанный шепот тлел, как свеча-заря:
"Я тебе расскажу о том, что я видел сам...
Помни каждое слово, помни и повторяй –
Это наше наследство людям и небесам..."

Ты скитальцам внимай, бродягам и морякам,
У тебя – сто веков, а мы-то гляди умрём..." -
И струились слова по дюнным живым пескам
И в застывшее море брызгали янтарём.

С той поры укатилась тысяча тысяч волн,
Расплескались кострами дымные вечера,
И старик не приходит больше гулять на мол,
Хоть клянутся, что кто-то видел его вчера.

От искрящейся пены берег как будто сед.
К материнским объятьям моря спешит река.
Через ропот прибоя, как приглушённый свет,
Пробиваются сказки странного старика.

Тема стихотворения—крайне волнующая: человек, открывший в конце жизни смысл всего сущего, страстно желает передать этот смысл в наследство «людям и небесам». Про него говорили: «Старец сошел с ума». Оставшись непонятым в своей среде, старик разговаривает с ветром и океаном и они понимают его. Автор определяет интонацию своего героя как «истерзанный шепот». Мастерство автора неоспоримо, и нет нужды доказывать его. Но вот что меня удручает: эмоцию «истерзанного шёпота» невозможно передать с помощью гладеньких куплетов, написанных по-старинке, в безупречной силлабо-тонике. Понимаю, что темы выбора ритмического рисунка, подбора звуко-тем, соответствующих лирическому устройству произведения – это понятия высшей категории поэтического мастерства. В стихотворении нет ляпов. Оно почти безупречно. Вот только несоответствие «истерзанного шёпота» и силлабо-тонической гладкописи, на мой взыскующий взгляд, бросается в уши. На моё ощущение «**истерзанный шёпот**

» – это сбивчивое дыхание поэзии, не передаваемое одинаковым количеством слогов в монотонных строфах, писанных, как говорится, «под метроном». Для подобной темы гораздо более уместен дольник или тактовик. Но буду рекомендовать, скорее всего. Стихотворение очень красивое, раскрывающее богатство русской поэтической речи с непростой тематикой разобщенности и зыбкого единства мира человека и мира природы. Радует и преимущество тематики классической русской поэзии: философия пантеизма волновала и Пушкина: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть, и равнодушная природа красною вечною сиять». Автор по-своему продолжает, преломляет и развивает тему. Случается «выпуклая радость узнаванья» (О.М.) знакомого незнакомца...

+++ 6. "Струя сверкающей воды..."

Струя сверкающей воды
Ворвется в раструб вазы и, хрустальной
Холодной влагою ее наполнит,
Заблещет, заискрится, как огонь,
Горящий в недрах озера глубоко.
Затем цветы, три выгнутых созданья
На бледно-малахитовых стеблях
Так нежно пламенеющие, смутно

Росою увлажненные, неловко
Ты водрузишь в прохладу, блеск и трепет
Сияющего жерла, раз за разом
Скользя перстами к чашечке атласной
От кончика холодного...
И вот уж
Они, смиренно шейки изогнув,
Качаются над влагою вспененной
И замирают нехотя, порыв
Невольный негой укрощая,
И сладковато-горький аромат
Оставив в комнате, где только что я с ними
Играл, как с нимфами в саду пустом,
На изумрудном солнечном припеке...

...Персты, нега, нимфы, изумрудный припёк, смиренно изогнув... От стихотворения, безусловно, эстетного на звук (фонетический шедевр!), веет ушедшим в «нет» совершенным русским языком, но у меня, читателя 21 века, создаётся непреодолимое ощущение перевода. Возможно, что это перевод из эпохи Возрождения («нимфы» наводят на эту мысль). Есть ещё догадка: автор дурачит нас. При этом, автор, несомненно, хороший поэт, с утончённым и подробным видением мира, при этом он способен войти в образ (и в особые обстоятельства языковой среды) и остаться там до последнего многоточия. Вот и меня заразил:

«...смиренно шейку изогнув,
порыв невольный негой укрощая,
я вопрошу: да где же есть такая
и комната, и нимфы и припёк,
где так слагать стихи и я бы мог,
от умиленья очи увлажняя?»

Подождём ответа.

--- 7. Старый сад

К тщите ли ложных слов моя дрожит рука
И цепенеет ум, привычкою объятый
Не воспарять, но мыслить; но пока
Не все уму подвластно, соглядатай!

Мой соглядатай - сад, заученный, как слог,
Как первые аккорды Баха или Глюка.
Привычный, словно пригородный смог,
Входящий в дом без окрика и стука.
Мой сад, мой след в безжизненности дней,
Не натюрморт, не древняя натура.
В твоей холодности, безлюдности твоей
Мне слышится предвестие авгура
О том, что город, эта жизнь и дом,
Изысканный и бренно-прихотливый,
Наполнится сияньем, как вином, -
Божественным сиянием оливы.
И я опять, как много лет назад,
Скажу: о, осень, подари мне сети
Твоих злаченных ив, что наполняют сад,
Единственный из всех садов на свете.

Яркий пример литературщины - повальной болезни современной поэзии, выражающейся в вычурности стиля, его заёмности, в отсутствии простоты и художественной правды.

Читатель барахтается в «злачёных сетях» мудродумных образов и тяжеловесных метафор, давно отработанных его предшественниками. Ум, автора, по его признанию «объят привычкою» плести словесные силки, типа «мой след в безжизненности дней»; «дом, изысканный и бренно-прихотливый»; «Наполнится сияньем, как вином,/-Божественным сиянием оливы». Расплетать эти «злачёные сети» скучно и нудно.

Автор «объят привычкою» выхватывать из поэтического языка своих кумиров характерные слова, не учитывая их этимологию. Ему кажется находкой эпитет «бренно – прихотливый». «Бренный» всяк может сказать, «прихотливый» тоже, но до «бренно-прихотливого» надо додуматься. Автору индифферентно, что «бренный» происходит от «глина, грязь», и что просвещённому читателю это ведомо. На мой взгляд, у поэта должно быть языковое чутьё, не позволяющее допускать такие промахи: «грязно – прихотливый» дом наводит на забавные ассоциации. Не лучше и с современным значением слова «бренный» (тленный; смертный): получаем «изысканный и тленно-прихотливый». Вот и хочется спросить автора: зачем ему этот вычур? Чего стоит вот этот, грамматически и семантически громоздкий период:

*Мой соглядатай - сад, заученный, как слог,
Как первые аккорды Баха или Глюка.
Привычный, словно пригородный смог,
Входящий в дом без окрика и стука.*

Выделим главные члены конструкции: 1. «Мой соглядатай - это сад». 2. «Привычный, словно...смог, входящий в дом без окрика и стука». Замечу, что фрагмент «входящий в дом без окрика и стука» может относиться и к саду, и к смогу, несмотря на точку после второй строки. На месте этой точки должна быть запятая, ибо две последующие строки -

был хитромудрым, был бесшабашным,
но пал однажды его секам.
Он знал, как роют, как матом кроют,
то он был мягок, то он был строг,
и о поэтах твердил порою:
попса, мол, Саша, а Миша – рок!
Водил руками, ходил кругами –
и выходил на последний круг,
гулял с богами, бухал с врагами,
пастух Пегаса и Музы друг.
Он знал и помнил, но взял – и помер,
не попрощавшись, ушёл в астрал...
А я утратил небесный номер,
небесный адрес я потерял.

Вот портрет и интонации, потрясающе точные во всём. Яркие краски души автора, которыми рисуется портрет друга - «шамана», бликуют и мешаются с портретом своего собственного лирического «я». Игра словами – не надуманная, она искусна и естественна одновременно. Здесь есть то, что я люблю и ценю в поэзии. Буду рекомендовать.

+++ 10. Сон прораба

Вечером – ласточки, ночью – летучие мыши
в воздухе летнем у стен суетливо снуют.
Кот полосатый сурово гоняет двух рыжих,
что-то кузнечики в травах прилежно куют.
На пустыре был заложен вчера супермаркет,
жались машины к домам оголтелой гурьбой.
Выправил смету прораб и убрал чёрный маркер,
и с головою ушёл в сновиденье, как в бой.

Через развязки, сплетения, ямы, траншеи
дрёма крадётся стигматом извечной войны:
и автокран, как жираф, тянет длинную шею,
месяц суглинок бульдозеры, словно слоны.
Там, где в оплётке резиновой вьются лианы,
светятся лампочек жёлтых тугие плоды –
там по лианам скользят вверх и вниз обезьяны
и получают по пригоршне звёзд за труды.

Дремлет прораб, одурманенный горькой отравой,
и проступает сквозь джунгли убогий пустырь,
и подступает к окну разнотравья,

и навевает кошмары крылом нетопырь.
А поутру похмелится прораб, примет дозу,
глянет в окошко бытовки, не чая беды:
нет автокрана, исчез среди ночи бульдозер,
и повсеместно видны обезьяньи следы.

Не без недочётов, но живое, ироничное-грустноватое и очень современное по смыслу. По сути, это развёрнутая метафора современной Российской действительности. Сон про раба. Этим стихотворение меня покорило. Образ Прораба и его обезьян навсегда врезался в мою память. Буду рекомендовать.

Примечание

"Плюсы и минусы" перед номером стихотворения определяют общее впечатление :

три плюса – рекомендовать;
три минуса – не рекомендовать.

Остальные сочетания – подумать.

Ника ВЕРТИНСКАЯ